

Гордость и боль маленькой республики

Среда, 06.01.2016 01:59

- Генна Сосонко

Эстония отмечает столетний юбилей Пауля Кереса. Подготовлены радио и телепередачи, появились обширные статьи в газетах и на сайтах, уже раскуплена вышедшая на эстонском новая обширная биография Кереса (автор Пааво Кивине).

Выйдут почтовая марка и монета достоинством в два евро с изображением выдающегося гроссмейстера.

Эстония стала первой страной на постсоветском пространстве, вступившей в зону евро, но и до этого изображение Кереса можно было видеть на пятикрупной купюре.

Несколько лет назад, получая сдачу в таллинском кафе, спросил у молоденькой официантки: «Вы знаете, чей портрет изображен на банкноте?» «Конечно», - ответила девушка. Это Пауль Керес».

Торжества приурочены к 7 января, а уже на следующий день начнется мемориал Кереса по рапиду, который собрал сильный состав.

Мы уже [обращались к теме Кереса](#). Начиная с 2001 года автор этих строк регулярно бывал в Эстонии на кересовских юбилеях. Но этот юбилей – особенный. В столетнюю годовщину вспомним еще раз замечательного шахматиста и человека, тем более, что начавшийся год празднуется всем шахматным миром как год Кереса.

* * *

Пауль Керес – национальная гордость маленькой Эстонии и это заметно повсюду. Памятник в центре Таллинна, улица его имени, где до недавнего времени в доме под номером 11 жила его вдова. Мария Августовна, пережив мужа на 39 лет, [скончалась](#) в 2014 году. Другой памятник - в Пярну, перед входом в гимназию, где учился Пауль.

Пярну 2007

И еще один был торжественно открыт 29 декабря в Нарве, где родился выдающийся гроссмейстер.

Паулю Кересу так и не удалось стать чемпионом мира. Что помешало этому? Недостаточная твердость характера? Нервы? Или что-то еще?

Борис Спасский, вспоминая о борьбе за звание чемпиона мира, говорил: «Из собственного опыта знаю, что, взбираясь на вершину, надо помнить только о главной цели и забыть обо всем другом».

Как мог Пауль Керес забыть обо всем другом?

Во время Второй мировой войны, играя в турнирах оккупированной немцами Европы, Керес не раз встречался с Алехиным. «Вы думаете, большевики расправятся со мной, если я попаду к ним в руки?» - поинтересовался он как-то у чемпиона мира. «Можете не сомневаться, - отвечал Алехин, - что они укоротят вас на голову...»

Летом 1944 года Керес играл в Финляндии. Оттуда по приглашению будущего президента ФИДЕ Рогарда он приехал в Швецию, где принял участие в довольно слабом мастерском турнире. Кандидат на мировое первенство проиграл три партии. Неудивительно: в нейтральной Швеции Керес постоянно думал об уходе на Запад - до шахмат ли тут?

Вопрос - что предпринять? - не дает ему покоя, и, наконец, он принимает решение. Керес возвращается в Эстонию с тем, чтобы забрать жену, двух маленьких детей и попытаться уехать в Швецию.

Несмотря на то что наступление советской армии было стремительным, Эстонию покинуло тогда около шестидесяти тысяч человек.

«Я не хотела эмигрировать, - вспоминала вдова Кереса Мария Августовна, с которой я подробно разговаривал в 2007 году, - у меня в Эстонии родные, я всю жизнь прожила здесь, но Пауль так решил, и мы отправились в путь...»

Они ожидали судно на побережье в районе Хаапсалу, но катер из Швеции так и не пришел. Вместе с Кересом катер ждали писатель Фридеберг Туглас, певец Тийт Куузик, члены правительства довоенной Эстонии. Министров арестовали, выслали в Сибирь, но и судьба Кереса висела на тоненьком волоске: его неоднократно вызывали на улицу Пагари, где находилось тогда в Таллинне здание НКВД.

В ожидании катера в Швецию. Керес с женой и детьми – крайние справа во втором ряду.

Свидетельствует Юрий Авербах: «Полковник НКВД Борис Вайнштейн, бывший в то время главой Всесоюзной секции, прибыл в Таллинн по служебным делам на другой день после вступления войск и беседовал с начальником эстонского НКВД. В конце беседы тот спросил, не мог бы Вайнштейн решить вопрос об участии Кереса в чемпионате СССР. И добавил, что шахматы для Пауля единственный источник существования. Он предложил Вайнштейну встретиться с Кересом, но тот отказался, объяснив, что взять на себя решение такого вопроса он все равно не может. Есть общая установка: тех, кто во время войны находился на оккупированных территориях, в первый послевоенный чемпионат не пускать. А с Кересом ситуация еще сложнее. «Сам я отношусь к нему с большой симпатией, -

добавил Вайнштейн, - и как к шахматисту, и как к человеку, хотя лично с ним и не знаком. Но если по закону, то ему за сотрудничество с немцами надо 25 лет давать, и вы это знаете не хуже меня. Он же в их турнирах играл, с Алехиным якшался...»»

Письмо, написанное Кересом в федерацию шахмат СССР, - отчаянная попытка представить события сентября 1944 года в ином свете: «Немцы предпринимали попытки убедить меня в необходимости скорейшей эвакуации в Германию. Для этого мне приходилось часто переезжать с места на место со своей семьей, моей женой и двумя маленькими детьми, – во-первых, чтобы избежать назойливых эвакуационных предложений, и, во-вторых, создать видимость, что я готовлюсь к отъезду из страны. В конце концов, мне удалось без особых проблем и в тихой местности избежать враждебного отношения».

На это письмо Керес так и не получил ответа. Его лишили звания «гроссмейстер СССР», отлучили от шахмат, будущее рисовалось в очень мрачном свете, но Кереса взял под личную опеку первый секретарь ЦК Эстонии Николай Каротамм. Мария Керес полагает, что защита именно этого человека спасла мужа от репрессий. Видимо, Каротамм и подсказал Кересу написать письмо в самые высшие инстанции. Реакция Молотова была положительной, и Керес получил разрешение вернуться в шахматы.

Пауль Керес и Сало Флор – новые граждане Советского Союза

Но КГБ не выпускал его из сферы внимания до конца жизни.

В 1958 году «проводилась работа по Кересу в плане склонения его к сотрудничеству с нашими органами, - пишет в сохранившейся в архивах справке сотрудник Комитета государственной безопасности республики. - В процессе этой беседы выяснилось, что Керес не имеет желаний активно сотрудничать с органами КГБ».

Не только Керес, но и его жена находилась под постоянным наблюдением. Справка от 1965 года, извлеченная из архивов после развала Советского Союза: «Доверенное лицо NN сообщило, что Мария Керес является культурной, образованной женщиной. По характеру – решительная, разговорчивая, любознательная, Чувствуется, что она высокого мнения о себе. Семья живет очень зажиточно. Является владельцем американского лимузина. Ничего отрицательного в поведении Марии Керес в быту не наблюдается».

Еще одно донесение, датированное 1966 годом: «Товарищ Керес Мария Августовна обладает твердым и принципиальным характером и с неутомимой энергией занимается пополнением идеологических и профессиональных знаний. Она политически грамотна, советский человек высокой морали и с широким кругозором».

В 1969 году Керес, находясь в Праге, встретился с гроссмейстером Пахманом, ставшим к тому времени заклятым врагом Советского Союза. По прибытии в Москву эстонского гроссмейстера прямо с трапа самолета увезли на Лубянку и подвергли многочасовому допросу, а потом у него снова появились проблемы с выездом на заграничные турниры.

Наверное, в Праге Керес «потерял бдительность». Времена в Советском Союзе были уже не такими зловещими, как в конце сороковых-начале пятидесятых, когда Керес был постоянно начеку и сторонился тех, кого не знал хорошо.

Когда на прощальном банкете амстердамской Олимпиады 1954 года английский шахматист и журналист Барден спросил его, почему он так плохо играл с Ботвинником в 1948 году, Керес невозмутимо ответил: «Каждый может проиграть Ботвиннику - он очень сильный игрок», - давая понять, что дискутировать на эту тему не намерен. Действительно: что могли понимать эти наивные западники в правилах и нравах страны, гражданином которой он оказался после Второй мировой войны?

Он не любил конфликтов, кланов, разборок и ему приходилось постоянно лавировать в полном интриг мире советских шахмат. Отправляясь в Москву,

Керес всегда брал с собой блокнот, где каллиграфическим почерком было записано, кто с кем не разговаривает, кто с кем не здоровается.

Казалось, ничто не может вывести его из себя. Однажды он должен был вылететь в Австралию с сеансами одновременной игры. Все документы были уже оформлены, визы получены, билеты куплены, маршрут согласован. Керес прибыл из Таллинна в Москву. В последний момент в советском посольстве в Канберре решили, что приезд Кереса вызовет ненужный ажиотаж в среде эстонских эмигрантов, и поездку отменили. Когда работавший во Всесоюзной федерации Михаил Бейлин, стараясь не смотреть на Кереса, сообщил ему, что «Австралия отменяется», тот только улыбнулся: «Что ж, в жизни может случиться всякое...» Несмотря на всегдашнюю корректность и сдержанность, он был не прочь и пошутить, и повеселиться. Любил играть блиц, когда и «позванивал», наслушавшись много от своих советских коллег. В узкой компании мог продекламировать частушки, порой и фривольные. Но сквозь приветливость и улыбку в нем постоянно проглядывало что-то грустное, даже трагическое. Это слово - «трагическое», не сговариваясь, произносили все, кто играл с Паулем Кересом в турнирах на Западе и с кем я говорил о нем.

Карел ван хет Реве, молодой тогда славист, был с Эйве в 1948 году в Москве. Он стоял рядом с эстонским гроссмейстером на праздновании 1 мая на кремлевской трибуне, куда были приглашены участники матч-турнира. Парад. Когда по брусчатке Красной площади пошли с грохотом Т-34, ван хет Реве случайно взглянул на Кереса и не мог отвести взора. Вспоминая об этом много лет спустя, известный голландский писатель затруднялся передать всю гамму чувств, которая была написана на лице эстонца. И только вернувшись в гостиницу, Керес смыл с себя все эмоции: «Ну а теперь – бридж. Бридж!» - потирая руки, воскликнул он.

Керес, Боголюбов, Элисказес. Бридж. Нордвейк 1938

* * *

Когда в 1974 году Корчному предстоял финальный матч претендентов с Карповым, свои услуги предложили ему Бронштейн и Керес. Дебютными идеями Бронштейна Корчной воспользовался, а вот предложение Кереса отверг.

Впервые он встретился с Кересом в XX чемпионате Советского Союза в 1952 году. Молодому мастеру удалось продержаться чуть дольше двадцати ходов, и с тех пор счет в пользу Кереса только увеличивался.

«Я сделал с ним только несколько ничьих, проиграв четыре партии. Шахматный авторитет Кереса слишком давил на меня», - объяснял Корчной много лет спустя. Керес играл почти со всеми чемпионами прошлого века, но близкие отношения были у него только с Эйве. После того как на турнире в Цюрихе в 1934 году голландец пожертвовал Алехину коня, чемпион мира снял пиджак. «Если бы ты пожертвовал ферзя, он, вероятно, снял бы и штаны», - заметил Керес. Ему ли было не знать, как болезненно относится к поражениям русский чемпион. Когда на турнире в Маргете Керес в партии с Алехиным занес руку, чтобы, пожертвовав ферзя, объявить мат следующим ходом, тот поднялся из-за столика, и не проронив ни слова, покинул турнирный зал. Правда, через двадцать минут Алехин вернулся, чтобы проанализировать партию...

Олимпиада в Буэнос Айресе (1939). Стоят Александр Алехин и Пауль Керес.

У него было мягкое, своеобразное чувство юмора. После чемпионата Европы в Австрии в 1970 году советские гроссмейстеры остались на несколько дней с сеансами одновременной игры. Когда Михаил Бейлин отрядил в совместную поездку Таля и Холмова, Керес заметил: «Вы, наверное, очень смелый человек, Михаил Абрамович...» И действительно - к поезду в Вене «нарушившие спортивный режим» гроссмейстеры не прибыли...

На открытии Кубка Пятигорских в 1963 году в Санта-Монике было объявлено, что победитель в дополнение к призу получает еще и машину. Керес разделил победу в турнире с Петросяном, и организаторы решили вручить ключи от машин обоим. Несколько месяцев спустя Петросян приехал в Таллинн. Керес встречал его на вокзале. «Все-таки отличные автомобили получили мы в Америке», - заметил Петросян, усаживаясь рядом на переднее сиденье. «Замечательные, - согласился эстонский гроссмейстер, - правда, если бы я не поспешил с ходом h5 в нашей партии, машина досталась бы только мне...»

Санта-Моника 1963

«Он был дружелюбным человеком, но это было дружелюбием на дистанции, доброжелательностью аристократа. В нем всегда было чувство достоинства, которое не могли не заметить окружающие», - говорил о Кересе Вольфганг Унцикер, а Светозар Глигорич писал, что «Керес был единственным гроссмейстером, который никогда ни на что не жаловался». Примечательно, что на «ты» он был только с очень немногими: Штальбергом, Смысловым, Эйве.

В матче Эйве – Керес победил эстонский гроссмейстер. Амстердам 1939.

После Олимпиады в Буэнос-Айресе Пауль Керес прокомментировал одну из своих партий для голландского шахматного журнала. Гроссмейстер предварил комментарии письмом, которое заканчивалось так: «Дорогие друзья, еще раз поздравляю вас с успехом и до свиданья!».

Свидания не получилось. Вскоре в Эстонию вошли советские дивизии, и Керес стал гражданином другой страны.

В 1940 году в Москве Керес почти не говорил по-русски. Он общался через переводчика и комментировал партии во время чемпионата Советского Союза на немецком, его самом сильном иностранном языке. После войны Керес выучил русский, но ему пришлось учиться не только языку. Окунувшись в атмосферу двоемыслия, подозрительности и недоверия, он старался научиться чувствовать то, что родившиеся в Советском Союзе понимали без каких-либо объяснений. Ему пришлось жить в обществе с иной системой координат, с другими ценностями, отличавшимися от тех, к которым он привык в первой половине жизни.

Жившему до 1940 года в свободном мире, ему было еще труднее: ведь еще древние знали - совсем разное – вовсе не иметь и - иметь и потерять.

Для советских гроссмейстеров он всегда оставался немного иностранцем. И дело было даже не в легком акценте. Весь его облик, манеры, знание языков, теннис, бридж, элегантно повязанный галстук, ухоженность, вежливость и невозмутимость отличали его от тех, кого они встречали в коридорах «Динамо», «Труда», «Локомотива», в Спорткомитете, наконец, просто в повседневной жизни.

Они многое перенимали от него. Если Ботвинник покупает форсунку для дачи, то она обязательно должна быть шведского производства, только шведского – так советовал Керес! Когда играя с Кересом в заграничном турнире, Ботвинник отправляется с ним в жаркий летний день на прогулку, и Пауль предлагает выпить чего-нибудь прохладительного, поначалу это вызывает шок: «Но это же стоит денег! За рубежом я становился скрягой - замечает Ботвинник. – “Но так приятно тратить деньги”, - возразил Пауль и... угостил меня! Это его “указание” было принято к неуклонному исполнению». Ботвинник учился у Кереса. Они все учились у Кереса.

После победы (вместе с Файном) в АВРО-турнире в 1938 году Керес рассматривался как один из кандидатов на звание чемпиона мира, и многое в его биографии связано с именем Ботвинника.

Керес – Решевский, Амстердам 1938. Наблюдают за партией Алехин, Капабланка, Флор.

В своих мемуарах Ботвинник пишет о «друге Пауле» очень благожелательно, но признает, что «иногда наше соперничество принимало излишне резкие формы, как это было в 1948 и в 1952 годах. Увы, из песни слов не выкинешь! О наших неприятных стычках по молчаливому согласию мы в наших беседах никогда не вспоминали и впоследствии подружились».

Когда в 1940 году Керес приехал в Москву, его на открытии чемпионата СССР встретили торжественно, наградив продолжительными аплодисментами.

Внешний вид Кереса – темно-серый в полосочку костюм, цепочка для часов на поясе, платочек в кармане пиджака, резко очерченный пробор, манеры – все контрастировало с однообразием, царившим тогда в советской России. Примечательным был и стиль Кереса – острый, комбинационный. Пристрастие к королевскому гамбиту выглядело почти вызывающе, особенно на фоне сугубо позиционной манеры игры Ботвинника.

У публики появился новый любимец, и это, конечно, не могло не раздражать лидера советских шахмат, тем более что на повестке дня стоял вопрос: кто должен играть матч на звание чемпиона мира с Алехиным. Ботвинника даже обидело, когда Сергей Прокофьев слишком громко аплодировал после стартовой победы Кереса, и он добился запрещения аплодисментов в турнирном зале.

Мария Керес вспоминала, как вернувшись из своей первой поездки в Советский Союз, Керес был поражен привилегиями Ботвинника. Тот был не только признанным первым номером, но и вел себя соответствующим образом. Последующие встречи Кереса с советским чемпионом только усилили первое впечатление.

«Турнирные условия являются подходящими для Мишеньки, но не для остальных соперников» - писал Керес домой с турнира на звание абсолютного чемпиона Советского Союза (1941). В кругу близких он до конца жизни называл Ботвинника «Мишенькой», произнося это имя с иронической улыбкой...

В декабре 1945 года Керес с женой были в Москве, и Ботвинник пригласил их на обед. «Я знала, что Пауль и Ботвинник недолюбливали друг друга, но внешне это ни в чем не проявилось, - вспоминала Мария Керес. - Обед был превосходный, все приличия соблюдались, но когда зашла речь об Алехине, Ботвинник тут же сказал, что он такому человеку руки бы не подал. Он имел в виду, конечно, Пауля, игравшего с Алехиным в военное время».

Через несколько месяцев Ботвинник начал подготовку к матчу на первенство мира с Алехиным. В числе прочих требований Спорткомитету, главным было проведение закрытого тренировочного матча с Кересом. Эстонский гроссмейстер сам считался претендентом на мировое первенство, а в этом

случае был бы вынужден отказаться от собственных притязаний на высший титул. Смерть Алехина перечеркнула все планы и избавила Кереса от унизительного матча.

Несмотря на особое положение Ботвинника, официально в Гаагу в 1948 году отправились три равноправных представителя Советского Союза: Ботвинник, Смыслов и Керес.

*В шахматы игрок не очень бойкий,
Я желаю дорогим друзьям –
Пронеситесь грозной русской тройкой
По голландским шахматным полям!*

*Мучимый метафорой слова,
Вижу я, как ринулись в бой
Три богатыря – не Васнецова,
Три богатыря – друзья мои.*

*И еще одно сравнение – третье
(Этим отличается поэт) –
Я хочу вас на вокзале встретить,
Как встречают мастеров побед!*

Строки о «грозной русской тройке», - Ботвиннике, Кересе и Смыслове, читаются как пародия, на что был большой мастер их автор Михаил Светлов. Допустил ли такую вольность поэт в 1948 году, да еще на страницах центральной газеты или просто выполнял на скорую руку редакционный заказ?

После гаагской половины соревнования акценты очевидно сместились.

*Все идет, как полагается,
И пускай потерпит мир,
Пока к нам перебирается
Из Голландии турнир.
Были партии не мирные,
И греметь еще молве
Про жестокие турнирные
Схватки в городе Москве.
А пока что аплодирует
Мир герою одному,
Что стремительно лидирует,
Как положено ему.*

Как положено ему. Именно так воспринималось в Советском Союзе лидерство Ботвинника в турнире.

Первая половина матч-турнира на первенство мира (Гаага 1948)

Диапазон слухов, связанных с матч-турниром 1948 года, был обширен. Одни уверяли, что Кереса заставляли нарочно проигрывать будущему чемпиону, другие поговаривали, что уже обеспечивший победу Ботвинник «отдал» последнюю партию Кересу умышленно, чтобы оттолкнуть Решевского.

Перед этой последней партией Ботвинник записал в дневнике, который скрупулезно вел во время турнира: «Если преимущества к 20-му ходу не будет, предложить ничью. В случае отказа постараться вздуть!» Вперед, на Кереса!»

Аналогичные записи он делал и перед другими партиями с эстонским гроссмейстером, неизменно дополняя их загадочной фразой: «Помнить, с кем играешь!»

Что хотел сказать этим Ботвинник? Шла ли речь здесь о военном прошлом соперника? О силе его игры? Или – наоборот – о слабости? Почему была важна победа именно над Кересом?

Давид Бронштейн вспоминал: «В матч-турнире 1948 года все делалось под Ботвинника, ведь было известно, что он больше 15 партий подряд не выдерживает... Это же пародия на турнир была – с двухнедельным перерывом между Гаагой и Москвой, курам на смех. Я спросил тогда Кереса – “Пауль Петрович, как вы могли допустить тогда такое?” - Так он на меня такой взгляд бросил, что я тут же осекся: “Беру, беру свой вопрос обратно...”»

Доверительный разговор на теннисном корте. Москва 1956

У Бронштейна с Кересом были особые отношения. В матче на мировое первенство в 1951 году эстонский гроссмейстер был на стороне претендента, встречался с ним в Москве. Они сыграли множество турнирных партий, всю жизнь были в переписке, а находясь на сборах, постоянно играли блиц, иногда тематические матчи. Дебют? Королевский гамбит!

Что сближало их, таких разных по характеру, воспитанию, темпераменту? Любовь к шахматам? Преданность игре? Безусловно. Но и не только. Мне кажется, что помимо этого у обоих была одна рана и одна общая боль: чемпионский титул, так ими и не завоеванный. Произошло это в первую очередь из-за гиганта игры, каким был Михаил Моисеевич Ботвинник, но и — для Кереса в первую очередь — из-за времени, благоволившего к отлично вписавшемуся в него Ботвиннику. Из этого времени выпадал эстонский гроссмейстер. Это понимал и сам Патриарх, в конце жизни сказавший: «Паулю не повезло в его шахматной карьере. В другое время, вероятно, он стал бы чемпионом».

Во время чемпионата Советского Союза в Ленинграде в 1947 году группа игроков подписала коллективное письмо, в котором Керес был заклеен как «коллаборант» и «фашист».

В перестроечные времена вновь возник вопрос, не приложил ли Ботвинник руку к тому, чтобы Керес не принял участие в крупнейшем послевоенном турнире в Гронингене в 1946 году. Когда самого Ботвинника спрашивали об этом, тот настаивал, что он «выше этой чепухи», что, может быть, он и подписал коллективное письмо гроссмейстеров, но никогда не выступал против эстонского гроссмейстера и никогда не интриговал против его.

Первый послевоенный выезд Кереса за границу. Матч Великобритания – СССР, Лондон 1947 Слева направо: Александер, Керес, Рагозин.

Последнюю партию с Ботвинником Керес сыграл на турнире в Вейк-ан-Зее в 1969 году. Зима тогда выдалась особенно ветреная, и оба гроссмейстера играли простуженными почти весь турнир.

Вспоминает Михаил Ботвинник: «Лежу в постели, анализирую на карманных шахматах отложенную позицию с Портишем – трудный эндшпиль... Неожиданно стук и входит Пауль: "Ну что, спасаетесь?" Объясняю, что нашел после долгих поисков одну уникальную ничейную позицию, но как ее получить – не могу придумать. Взял Керес у меня карманные шахматы, подумал и, возвращая шахматы, сказал: "А что, если сыграть так-то?" Посмотрели мы друг на друга и нами овладел неудержимый хохот – Пауль нашел простой способ получения искомой позиции. При доигрывании Портиш был потрясен – ничья!».

Эта партия игралась в одном из последних туров и результат ее был чрезвычайно важен для окончательного распределения мест. В случае победы Портиша венгерский гроссмейстер, а не Ботвинник занимал бы первую строчку в таблице, вернее, делил бы ее с Геллером и Кересом (!).

История имела продолжение. Через месяц после окончания турнира Мария Керес неожиданно получила из Москвы маленькую посылку с флаконом французских духов. К посылке было приложена записка Ботвинника, где

говорилось о концовке какой-то партии. «Я ничего не поняла, но Пауль очень смеялся...» - вспоминала Мария Августовна.

«Вечно второй» Керес был на расстоянии вытянутой руки от матча на первенство мира на турнире претендентов в Кюрасао в 1962 году. В очень длинном соревновании гроссмейстеры играли друг с другом мини-матчи, всего двадцать восемь партий. Половина участников представляла Советский Союз, и Тигран Петросян в конце концов опередил Кереса на пол-очка (о течении турнира на Кюрасао мы уже [вспоминали](#)).

Тигран Петросян, Пауль Керес, Михаил Таль. Кюрасао 1962.

В последние годы, бывая в Москве, Керес звонил Ботвиннику, заезжал к нему домой: причины противостояния улетучились, и Кересу открылся другой Ботвинник - внимательный, благожелательный. В конце шестидесятых, посетив того на даче, Керес заметил: «А Ботвинник вообще-то не такой плохой человек, милый, приветливый...»

«Он все забыл, Пауль все забыл...» - вздыхала Мария Августовна Керес, когда я расспрашивал ее об отношениях выдающихся шахматистов.

Пользовавшийся безоговорочным уважением всего шахматного мира, эстонский гроссмейстер мог бы стать идеальным президентом ФИДЕ. Но он был гражданином СССР, и ни одно решение на этом посту не смог бы принять без «консультаций» со Спорткомитетом, а фактически с более высокими инстанциями. Хотя с тех пор прошло полвека, и Советский Союз прекратил существование, мало что изменилось и в наши дни.

Керес прекрасно понимал всё сам, и когда Милунка Лазаревич во время Олимпиады в Ницце в 1974 году прямо спросила его об этом, Пауль Петрович только засмеялся: «Самостоятельно я могу только книги писать». Понятно, что эстонский гроссмейстер имел в виду шахматные книги. Впрочем и они не оставались без контроля.

* * *

Как сложилась бы его карьера, если бы катер в сентябре 1944 года пришел из Швеции вовремя и Керес оказался в свободном мире? Корчной полагает, что эстонец завоевал бы высший титул, ведь Кересу в 44-м не было и тридцати. Вдова Кереса не разделяла этой точки зрения: «Думаю, все равно не стал бы, - говорила Мария Агустовна. - Керес не был так беспощаден к себе да и к другим, как Ботвинник».

Вероятно, она права: характер выдающегося гроссмейстера был недостаточно жестким (или плохим – как посмотреть), чтобы стать не одним из лучших, а самым лучшим. Единственным.

Можно ли представить себе Ботвинника опаздывающего на тур, приходящего на игру с теннисной ракеткой под мышкой или играющим, не обращая внимания, что идут его часы, роббер бриджа, как это случилось с Кересом в молодые годы? Или небрежно проанализировавшим отложенную партию, потому что ему захотелось провести вечер с друзьями, приехавшими из Таллинна? А ведь на Авро-турнире в Амстердаме в важнейшей партии с Алехиным вместо элементарного выигрыша он получил только пол-очка. Целеустремленность предполагает сознательный волевой отказ от прочих радостей во имя избранной цели, а Пауль Керес не хотел отказываться от своего тенниса, бриджа, общения с друзьями, от многого того, к чему привык и что ткалось на холсте каждого прожитого дня.

«Свой крест нужно нести терпеливо», - писал он домой после одного из первых, еще довоенных выступлений в Советском Союзе.

«Я должен был играть в шахматы и ждать. Это был перст судьбы», - признавался Керес, будучи уже пожилым человеком.

Почти библейские слова, заслуживающие уважения как жизненная концепция, но несовместимые с жестокой борьбой за звание сильнейшего шахматиста планеты.

* * *

Керес из семьи долгожителей: его отец и мать достигли преклонного возраста, а старший брат Харальд (1912-2010) – известный физик, академик, заведующий кафедрой в Тартусском университете ушел из жизни лишь пять лет назад.

Незадолго до смерти Харальд Петрович вспоминал: «О происхождении нашей фамилии отец рассказывал так – “два соседа отправились в имение на раздачу фамилий. Один из них захотел, чтобы его фамилия звучала каждый воскресный день. Его назвали Кирик (церковь по-эстонски). Другой пожелал, чтобы его фамилия звучала каждую субботу, и стал Кересом (керес – каменка в сауне или бане)”».

В Пярну у Кересов была швейная мастерская, пользовавшаяся хорошей репутацией. Ее клиентами была не только местная знать, но и дачники из Москвы и Петербурга. Мама совершенствовалась в русском и немецком, даже закончила курсы в Петербурге и получила диплом мастера. Начавшаяся Первая мировая война заставила семью уехать из Пярну; немецкий дирижабль даже сбросил пару бомб на город.

Семья Кересов очутилась в Нарве, где 7 января и родился Пауль. Когда ему было четыре года, он упал с санок и сломал руку. Кость срослась неудачно, руку ломали, снова наложили гипс. Левая рука Пауля оказалась увечной до конца жизни. Примерно в то же время мы познакомились с шахматами и по примеру отца стали играть друг с другом. Пауль не обращал внимания на другие игры и все время посвящал только шахматам. Отец следил за нашими партиями и болел за Пауля. Попади брат тогда в руки настоящего тренера, кто знает, может, из него и получился бы вундеркинд. Получилось по-другому. Мама считала, что до добра это увлечение не доведет. Когда шахматы стали для Пауля больше чем детской игрой и он стал регулярно выигрывать у отца, она запретила нам играть и уничтожила деревянные фигурки.

Скоро наши семейные чемпионаты стали забываться, забылись и шахматы. В 1933 году мы вернулись из Нарвы в Пярну, где и прошли наши школьные годы. Но еще в начальной школе у Пауля вновь пробудился интерес к игре, но я не помню этого особенно хорошо: между нами разница больше чем в три года, в детстве это много. Помню, что одно время мы получали журнал «Ropk». В нем была шахматная рубрика, которую брат изучал и зазубривал наизусть. Огонь, вспыхнувший на этот раз, погасить оказалось невозможным. Даже мама отказалась от безнадежного противостояния.

Выступления брата в юности позже многократно критиковались, временные неудачи объяснялись легкомыслием молодости. Это неверно. Как можно было требовать от неопытного молодого человека, детской комнатой которого служил двор нарвского съемного жилья, чтобы, однажды проснувшись утром в международной компании рядом с такими господами как Капабланка и аристократами как Алехин, он почувствовал бы себя ровней им? Как относилось окружение к сыну небогатого ремесленника, что он чувствовал тогда? До обеда он играл в турнире, вечером, часто по примеру других – в бридж, растрачивая запасы молодых сил, казавшихся ему неисчерпаемыми. Другие знали, что могут себе позволить, он не имел никакого представления. Шансов скатиться на дно у Пауля было больше, чем удержаться на поверхности. Наверное, он не забывал и мамино многократно повторенное заклинание: "сын, держись от водки, как от чумы!" Он не научился даже курить. Брата упрекали в пренебрежении дебютной теорией и осуждали его кривые дебюты, говорили о его склонности к авантюрам. А как он должен был играть? Ведь возможностей изучать теорию дебютов у него попросту не было.

В 1930 году мы с Паулем выиграли в Таллинне турнир школьников. Брат получил в подарок маленький фотоаппарат, который у него в тот же вечер отобрали, а мне предназначалась шахматная Библия - дебютный справочник Бильгера, которого не оказалось в наличии, и мне обещали выслать его почтой. Эту книгу я так никогда не получил. А как мы ее ждали, надеясь освоить с ее помощью, наконец, дебютную теорию. Но мы нашли в городской библиотеке маленький учебник Дюфрениа на немецком, который с грехом пополам переводили на эстонский. Это было наше единственное пособие.

Пауль начал играть по переписке, потому что других возможностей у него просто-напросто не было. Порой число партий, которые он играл, превышало сотню. По вечерам он сидел тихонечко за доской и анализировал, анализировал.

Брат был меломаном. Он собрал большую коллекцию пластинок. Интересовала его и техника, из поездок он всегда привозил какую-нибудь аппаратуру, был в курсе новинок авиации. Но истинным хобби его были автомобили.

О претендентских турнирах, в которых он играл, ходили самые разнообразные слухи. Говорили даже о том, что Пауль стал жертвой алкоголя. Полнейшая чепуха, и кто только выдумывал такие небылицы. Что же касается претендентских турниров, шахматист, как бегун, должен следить, чтобы его не взяли "в коробочку". О проблемах такого рода Пауль предпочитал не рассказывать, всё держал внутри. Возвращаясь домой после долгого турнира, всегда был бодр, независимо от результата. И лишь однажды, уже в зрелом возрасте, когда мы разговаривали, обронил: "Они хотят, чтобы я играл в шахматы лучше всех. Но что мне удалось пережить, и

в каких условиях я был по сравнению со многими другими? Тут лучше всех не очень-то и сыграешь".

Брат очень любил теннис, но уже в сорок лет вынужден был отказаться от него. У Пауля обнаружилась прогрессирующая подагра, сведшая его в конце концов в могилу».

Ему было только пятьдесят девять, когда он умер. Сам Керес не любил распространяться на эту тему, но уже на турнире в Цюрихе в 1961 году принимал лекарства от кровяного давления, а в последние годы врачи настойчиво требовали вообще оставить выступления в турнирах.

Нелады с кровообращением приняли хронический характер, и он появлялся на сцене как всегда безупречно одетый, в вечернем костюме при галстуке и... в тапочках: болели ноги, давала о себе знать подагра. Понятно, что сеансы одновременной игры, которые он давал до конца жизни, тоже были ему противопоказаны - тем более два сеанса в день, как в Ванкувере буквально за неделю до смерти. Легко советовать: когда в следующий раз представилась бы возможность заработать немного валюты? Ведь в последнее время он получал "разрешение" только на один зарубежный турнир в год.

Последняя партия Пауля Кереса (1975). Он выиграл её у [Уолтера Брауна](#).

Из Ванкувера в Таллинн Керес добирался по сложному маршруту – через Монреаль, Амстердам, Хельсинки. У него было хобби - стыковка самолетов различных международных компаний: номера рейсов, наиболее экономичные маршруты – он знал всё на память. В узком кругу позволял шутку: «Все трудности отпадают, как только расстаешься с Аэрофлотом».

Принято считать, что такое хобби соответствовало характеру и манере мышления Кереса – склонности к анализу, аккуратности, стремлению найти оптимальное решение. Может быть. Мне кажется, что есть и другое объяснение: составляя зарубежные маршруты, он возвращался в то время, когда, не давая отчета никому, мог сам решать, каким образом отправиться в Стокгольм, Мюнхен, Амстердам или Хельсинки.

Возвращаясь из Канады он позвонил из амстердамского аэропорта старому другу Макс, тот приехал в Схипхол, и они проговорили с Эйве несколько часов. Ханс Баумейстер, присутствовавший при их последней встрече, вспоминает, что Керес несколько раз повторил: «Да, влетит мне теперь от Батуриного - я ведь на несколько дней задержался в Канаде без разрешения...»

Он умер от сердечного приступа в Хельсинки на следующий день, пятого июня 1975 года. Иво Ней первым в Эстонии узнал об этом. Он тут же позвонил на телефонную станцию, чтобы заблокировали домашний телефон Кереса, вызвал врача-кардиолога и, набравшись духа, отправился улицу Ыйе, как называлась тогда улица Кереса.

Через два дня пароход с его гробом прибыл в Таллинн. Толпы людей на набережной, мужской хор, оркестр. И цветы, цветы. Гроб несли лучшие спортсмены Эстонии.

Машина тронулась к дому Кереса, где в очень узком кругу было совершено отпевание. Присутствовали только самые близкие и приехавшие в Таллинн коллеги эстонского гроссмейстера: Эйве, Смыслов, Спасский, Авербах.

В последний путь Кереса провожал весь город. На кладбище говорил Смыслов. Звучала и речь Эйве, записанная на пленку: экс-чемпион мира, не дожидаясь похорон, должен был срочно вернуться в Амстердам.

Слова Эйве, что Паулю Кересу пришлось не раз видеть свою родину под пятой захватчиков, разумеется, не прозвучали на Лесном кладбище.

Могила Пауля Кереса

Через несколько дней заместитель Спорткомитета Виктор Ивонин вызвал к себе главного редактора «64» Нейштадта.

«Какой материл вы собираетесь давать о Кересе?»

«Развернутый некролог, лучшие партии», - отвечал Нейштадт.

«Хорошо, но учтите, что смерть Кереса - это, в первую очередь, потеря Эстонии. Это потеря эстонских шахмат...»

Так думали о Кересе в течение всей его карьеры, таким осталось отношение к нему и после смерти: он был и свой, и чужой в огромной, несуществующей теперь стране, и власти никогда об этом не забывали. Не забывал и он.

Попав в многоцветный мозаичный мир советских шахмат, Керес принял решение просто жить, не посыпая голову пеплом, не философствуя и не причитая. Жить и играть.

Спикер эстонского парламента Эне Эргма сказала: «Пауль Керес не поддался одному из главных желаний всех тоталитарных систем – нивелировать общество, заставить всех людей одинаково говорить и одинаково одеваться, одинаково страдать и одинаково лгать. Элегантный Керес сталинского серого периода постоянно напоминал нам здесь, в Эстонии, что мы утратили, и что мы когда-нибудь обязательно вернем».

Сегодня Пауль Керес принадлежит шахматам, их истории. И Эстонии, не забывшей его.

В Таллине на 98-м году ушла из жизни вдова Кереса Мария Августовна
Вторник, 04.11.2014 15:25

Мария Августовна Керес пережила своего знаменитого мужа на 39 лет и
вчера скончалась в возрасте 97.

С Борисом Спасским, середина 2000-х

Несколько лет назад она сказала: "У меня была счастливая жизнь, потому что у меня был такой замечательный муж".

Сентябрь 1944. Эстония, район Хаапсалу. В ожидании так и не пришедшего катера из Швеции. Вместе с Кересом, его женой и детьми (крайние справа в верхнем ряду) судно ожидали писатель Фридеберг Туглас, певец Тийт Куузик, члены правительства довоенной Эстонии. Министров арестовали, выслали в Сибирь, но и судьба Кереса висела на тоненьком волоске: его неоднократно вызывали на улицу Пагари, где находилось тогда в Таллинне здание НКВД.

[Генна Сосонко](#)

В столице Эстонии Мария Августовна жила на улице имени Кереса. Будет похоронена на Лесном кладбище рядом с Паулем Петровичем.